

М. Д. ДРОССИ-СТЕЙГЕР. «ЮНЫЙ ЧЕХОВ»

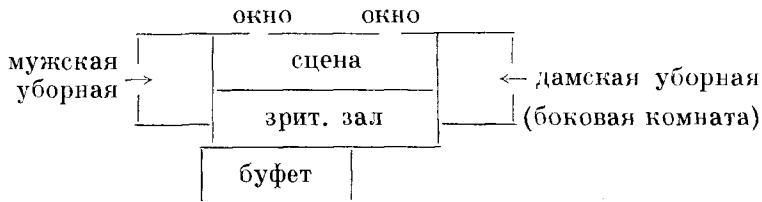
Публикация Н. А. Роскиной

Мария Дмитриевна Дросси (по первому мужу Сиротина, по второму — Стейгер) была сестрой гимназического товарища Чехова Андрея Дросси. Отец их, хлебный торговец, выделялся среди таганрогского купечества своей культурностью. В гостеприимном доме Дросси музицировали, ставили любительские спектакли. Надо думать, что в свои невеселые гимназические годы Чехов дорожил этим знакомством: семья Дросси, по-видимому, была единственным местом, где могли проявиться артистические способности юного Чехова.

Публикуемые воспоминания записаны А. И. Роскиным со слов М. Д. Стейгер в Таганроге в январе 1935 г. Работая над биографией Чехова для детей (А. Р о с к и н. Чехов. М.—Л., 1939), а позднее — над первой частью задуманной им обширной биографии Чехова («Антоша Чехонте». М., 1940), А. И. Роскин широко использовал — среди других неопубликованных архивных материалов — записанные им воспоминания Стейгер, относящиеся к малоизученным годам жизни Чехова (см. «Антоша Чехонте», стр. 34—36, 58). Неприятительные, литературно необработанные, собственно, даже не воспоминания, а отдельные мемуарные заметки Стейгер отличаются непосредственностью и достоверностью. Некоторые сообщенные ею факты через «Антошу Чехонте» вошли в литературу о Чехове. Однако источник их до сих пор оставался неизвестным: рукопись хранилась в личном архиве А. И. Роскина. По этой рукописи мы и публикуем воспоминания Стейгер. Рукопись носит характер почти стенографической записи рассказа мемуаристки. Поэтому в случаях явной стилистической неправильности мы позволили себе внести небольшие исправления.

Чехов был близким товарищем моего брата Андрея Дросси (Андрей был одним классом младше Чехова)¹ и моим другом. Он очень часто бывал в нашем доме. Особенно хорошо помню Антошу гимназистом 4—5 класса. Он вспоминается мне наблюдательным и скрытным. Никогда не видела его очень веселым. В домашних спектаклях очень предпочитал роли неудачников и меланхоликов. В «Лесе» он играл Несчастливцева.

Спектакли происходили в гостиной:

Публике выдавались пронумерованные билеты, белые — в партер, серые — на галерку (передняя). Чехов всегда заботился о том, чтобы вся прислуга приглашалась на спектакли. Приходили бывшие дворовые люди моей ма-

тери — любимая горничная Анна Федосеевна (умерла только лет семь назад в глубокой старости), не решавшаяся раздеваться в комнате, если в ней висела фотография барыни; повар Степан, который, подобно Фирсу, называл старую барыню «барышней»: «Барышня, посмотрите меню...»; кучера, мальчики на побегушках и другие.

На посетителей галерки спектакли производили большое впечатление. Когда однажды кто-то из нашей «труппы» декламировал «Белое покрывало»², с дочерью кухарки — Лизой сделалась истерика. Взволнованный Антоша прибежал к моей матери: «Дайте скорей капель!» Их не оказалось, — и Антоша побежал в аптеку. Этот мелкий случай, между прочим, хорошо характеризует отношение Антоши к прислуге — подлинное человеческое участие. В нашем доме Антоша был всеобщим любимцем прислуги, и все они радовались его приходу. Звали ласково Антошей. С кучерами его связывал интерес к лошадям. Нередко Антоша, являясь к нам, первым делом уходил на конюшню и с интересом наблюдал, как кучер Филипп ходит за лошадью, запрягает ее и т. д. Приходя потом к нам, Антоша обдавал нас запахом конюшни.

Моя мать Ольга Михайловна Дросси, урожд. Калита, владела имением в Миргородском уезде Полтавской губ., богатом вишневыми садами. После освобождения крестьян мать с бывшими крепостными приехала в Таганрог. Мать любила Антошу и отличала его среди гостей-гимназистов. Она часто беседовала с Антошей и между прочим рассказывала ему об этих вишневых садах, и когда много лет спустя я прочла «Вишневый сад», мне все казалось, что первые образы этого имения с вишневым садом были заронены в Чехове рассказами матери. Да и крепостные Ольги Михайловны в самом деле казались прототипами Фирса. Так, например, был у нее дворецкий Герасим, — он стариков называл молодыми людьми.

У нас в доме часто музицировали. Когда к нам приходил гимназист Илюша Данилов — виолончелист (на правой руке у него не хватало одного пальца), составлялись ансамбли. Брат играл на скрипке, Данилов на виолончели, наша гувернантка Полина Петровна Гепферт — на рояле. Наш знакомый гимназист Левицкий (одноклассник Андрея) также играл на скрипке. Мы вдвоем с Антошей слушали. Музыку Антоша любил.

Полина Петровна была старая дева, очень жеманная, непрестанно оправлявшая на себе платье и красневшая по всякому поводу. Антоша изумительно копировал ее манеры. Бывало, Антоша ее передразнивает, а она потом входит, — и трудно было удержаться от смеха. Но Полина Петровна любила Антошу и часто специально для него покупала в кондитерской, которую держал ее дядя, сладкий пирог — «Александркухен».

Среди других гостей, товарищей или знакомых Антоши, у нас бывали Камышанский (гимназист, одноклассник Андрея), Евлампия и братья Гончаровы, Савельев Дмитрий, Мельцарик, сестра Филевского, Кацевариги (гимназист, мать — русская, отец — грек).

Я любила немного пококетничать и покапризничать. Бывало, придет Антоша, а я его не пускаю к себе в комнату:

— Принеси монпансье на 20 копеек, тогда пушу!

И Антоша покорно приносил. Только в случае особого расположения я пускала за 10 копеек. С семьей Чеховых меня связывала еще дружба с Марией Чеховой.

Нередко Антоша проявлял ко мне трогательное внимание. Однажды он сидел у нас, а я была в гимназии. Шел снег, поднялась метель. Антоша забеспокоился: надо поехать за Маней! И сам отправился в женскую гимназию и привез меня домой.

Еще о домашнем театре: на спектакли приходило много знакомых, соседей. Некий Брусали в енотовой шубе, три барышни Караспасовы,

одна из которых вышла замуж за учителя Островского. Волнующие приготовления к спектаклю: зажигали «театральные» лампы, у которых часто лопались стекла. Занавес был из кретона, с наклеенными попугаями и жар-птицей. В буфетной комнате стояли два стальных шкафа, хранивших театральный гардероб и реквизит — старые шпory, парики, и здесь же стояли пирожные и пирожки. Андрей Дросси, ставший по окончании гимназии корнетом и затем гусаром, пожертвовал ментик, в котором выступила Филевская в «Дочери второго полка»³. Она пела:

Полк, за мной,
Полк, за мной!

Мальчики увлекались играми во дворе нашего дома — лаптой и воздушными змеями. Чехов играл в лапту отлично. Меня часто мальчики обижали за неудачный запуск змея, Антоша — никогда и всегда утешал, если я подвергалась обиде.

Часто гуляли мы в городском саду, где была «гимназическая аллея». Играли в бег наперегонки с Антошей, Левицким, Камышанским. Среди гимназистов ходило про меня следующее стихотворение:

Передо мной проносится игриво
Оркестр и шумный сад,
С своею чудною косою
Маруся с шляпкою в руках.
И всяк воркует ей — Маруся,
Я вас боюсь, я вас боюсь

С братом часто Антоша отправлялись на прогулки в Дубки или Карантин, а также и в городской театр на галерку.

У Дросси жил гимназист Исаак Борисович Срулев (еврей). Антоша дружил с ним и любил его. Вместе давали урок у шлагбаума, получая три рубля в месяц. Впоследствии Срулев уехал в Харьков в университет, где и умер еще студентом (он был болезненный мальчик).

У брата была литературная жилка; он, например, сочинял эпиграммы.

Братья Чехова у нас не бывали.

Чехов отца не любил. Никогда не называл его папой, всегда — отец. Однажды я пошла вместе с Антошей в лавку Павла Егоровича. У него были тетради по 5 и 3 копейки. Я заплатила 3 копейки, а взяла тетрадь за 5 копеек. Павел Егорович с бранью догнал меня на улице и отобрал тетрадку.

У нас в женской и мужской гимназии были общие учителя: Цабель (немецкий язык), Покровский. Голос у Покровского был дивный, служба его в церкви превращалась в оперный спектакль. Он любил насмешливые прозвища — брата называл Дросос⁴.

В доме Стейгер до сих пор сохранилось многое от обстановки тех времен. Канделябры, позолоченные настольные часы под стеклянным колпаком. Антоша любил очень заводить эти часы и слушать их мягкий бой. Иногда он щелкал по колокольчику...

Павел Егорович Чехов у нас в доме не бывал. Но Митрофан Егорович посещал. На нас, детей, он — с его поклонами, крестами, бородой, истовостью и фразой «если бог благословит» — производил впечатление чего-то не вполне обычного, почти «изуверского»^{*}.

У меня были письма Чехова и его записочки, — все это потерялось...⁵

Спустя много лет Чехов встретился с Андреем Дросси на какой-то железнодорожной станции. Выпили и вспомнили детские годы. А моя

* Здесь в смысле «фанатического». — Ред.

последняя встреча с Чеховым произошла так⁶: я ехала с мужем в коляске. Видим, какой-то человек стоит на берегу и смотрит на море. Потом, обернувшись к нам, погрозил мне пальцем. В первый момент мы подумали, что это сумасшедший. Чехов сделал этот жест, вспомнив, как мой отец когда-то имел привычку грозить мне пальцем. Я познакомила Чехова с моим мужем Стейгером⁷.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ В пятом классе Чехов остался на второй год, следовательно, Андрей Дросси должен был стать одноклассником Чехова.

² «Белое покрывало» — стих. Морица Гартмана (1821—1872). Существуют два его перевода, А. Н. Апухтина и М. Л. Михайлова.

³ «Дочь второго полка» — переделка комической оперы Доницетти «Дочь полка».

⁴ Как известно, именно законоучитель Ф. П. Покровский и дал Чехову прозвище Чехонте, ставшее его знаменитым псевдонимом.

⁵ М. Д. Стейгер была замужем первым браком за товарищем Чехова по гимназии В. А. Сиротиним (племянником поэта Н. Ф. Щербины), впоследствии военным. В ЛБ сохранилось семнадцать писем Сиротина и одно письмо А. Д. Дросси к Чехову; ни одно письмо Чехова к этим корреспондентам, а также к М. Д. Стейгер, до нас не дошло.

⁶ Вероятно эта встреча состоялась в 1899 г., когда Чехов приезжал в Таганрог.

⁷ В распоряжении редакции «Литературного наследства» был еще один вариант воспоминаний М. Д. Дросси-Стейгер, записанный М. Т. Колодочко. В этой записи имеется еще одна любопытная деталь: «А. П. рисовал много карикатур, писал надписи к ним, часто в форме четверостиший. Его карикатуры были очень метки, так что каждый сразу узнавал себя в них».